

Колониальное образование в Семиреченской области как социальные практики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Мирас Е. Абдрахим

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

E-mail: abdrakhim_91@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1074-2038>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-144-3-119-137>

Аннотация. В данной статье автор рассматривает роль колониального образования в Семиреченской области в качестве социальной практики Российской империи. Выявляет особенности колониального образования по подготовке кадров из числа местного казахского населения для административных дел. Определяет роль каждой отдельной учебной организации, устроенных царской властью в области, и делает попытку оценить их вклад в подготовку корпуса казахских чиновников. Анализирует деятельность казахских выпускников образовательных учреждений в области в контексте колониальной истории Семиреченской области в конце XIX – начале XX веков.

В статье особая роль уделена количеству казахских учащихся, задействованных в имперских учебных организациях, тем самым определяется позиция местного казахского населения по отношению к правительственному образованию.

Также автор обращает внимание на последствия подготовки учебными организациями области местных кадров в управлении регионом, оценивая их вклад в общественную жизнь казахского кочевого общества конца XIX – начала XX веков.

В заключении автор на основе полученных результатов исследования приводит свои рассуждения относительно проблемы колониального образования царской власти в Семиреченской области, обращая особое внимание на дело по подготовке местных кадров для колониальной администрации.

Ключевые слова: Семиреченская область; колониальное образование; Российская империя; Верненская мужская гимназия; русско-туземная школа; казахское чиновничество; «туземная» администрация.

Received 29.04.2023. Revised 31.05.2023. Accepted 01.06. 2023. Available online 30.09.2023.

For citation:

Abdrakhim M.Y. Colonial education in the Semirechensk oblast as social practices of the Russian Empire (the 2nd half of the XIX – early XX centuries) // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 144. – № 3. – P. 119-137. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-144-3-119-137

Для цитирования:

Абдрахим М.Е. Колониальное образование в Семиреченской области как социальные практики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 144. – № 3. – С. 119-137. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-144-3-119-137

Введение

Одной из популярных практик империй, осуществляющих в своих метрополиях, является внедрение новой колониальной системы образования на завоеванных территориях. В мировой истории такая практика часто была реализована европейскими империями в их колониях на территории Африки и Азии.

В постколониальных исследованиях вопросы колониального образования и знания были рассмотрены многими учеными-теоретиками. Практически все они отмечают колониальную образовательную систему как дополнительный инструмент управления колониями. В частности, западный ученый Франц Фанон называет колониальное образование «попыткой оторвать колонизированный народ от его местных образовательных структур и привлечь их к структурам колонизаторов». А теоретики по проблеме колониального образования Гейл П. Келли и Филипп Г. Альтбах описали ее как «содействие к укреплению иностранного управления» (Kelly, 1984: 1-5). Все они прекрасно демонстрируют важность установления колониального образования в своих зависимых территориях.

Данная политика направлена, в первую очередь, на укрепление имперской власти и обеспечение себя в будущем управленческими кадрами и даже новой местной элитой, которые будут служить интересам колониальной власти. С другой стороны, такими мерами государство создаст для себя общеимперскую модель управления. Указанные причины такой политики относятся ко всем империям, которые имеют опыты проведения данной практики.

Но лучше всего главную причину установления колониальной образовательной системы в колониях всеми империями демонстрируют слова, сказанные английским политиком и историком Томасом Маколеем. Он в отношении колонизированных индусов Британской империи говорил следующее: «В настоящее время мы должны сделать все возможное, чтобы сформировать

класс, который мог бы быть переводчиком между нами и миллионами, которыми мы управляем; класс людей, индусов по крови и цвету кожи, но англичан – по вкусу, мнениям, морали и интеллекту» (Kachru, 1983: 22). Эта речь Томаса Маколея, произнесенная в середине XIX века, отлично показывает всю суть имперской политики. Кроме того, данную мысль и позицию можно применить и по отношению к другим империям, которые проводили подобные политики в своих империях.

Российская империя, как и другие мировые империи, также проводила свою образовательную политику на территории своих колоний. В Казахской степи царское правительство внедрило свою колониальную образовательную систему, которая строилась под интересы царской власти. Она проследовала политику подготовки местных кадров для управленческих дел, разрушения традиционных систем образования, размытия границ между кочевыми сословиями и в целом формирования новой местной образованной элиты. Таким образом, царское правительство планировало образовать некое сословие казахов, лояльное к российской власти.

Очевидно, что реализация данной политики была невозможна без участия в них местных учебных заведений, способных осуществить подготовку кадров на локальном уровне. Соответственно огромная ответственность легла на плечи подобных учебных учреждений в рамках вышеназванной политики.

В подготовке кадров из числа местного казахского народа для нас большой научный интерес представляет роль учебных заведений в Семиреченской области. Какие семиреченские учебные организации подготовили кадры для местного аппарата управления? Как можно описать реакции местного народа на образовательные заведения, учрежденные колониальной властью? Изменилось ли отношение казахов к имперским институтам образования? В каких сферах общества или управления привлекались выпускники местных учебных заведений? Какую пользу приносили для общества и народа образованные казахи?

Несомненно, данные вопросы требуют всестороннего изучения. Следовательно, можно заключить, что проблема изучения роли учебных заведений в Семиреченской области в подготовке казахских чиновников является очень актуальной.

Обсуждение

Проблема изучения роли образовательных учреждений Семиреченской области в подготовке управленческих кадров из казахского народа никогда не была отдельным объектом исследования. Однако в дореволюционной, советской и отечественной историографии имеются научные труды, которые затрагивают данную тему в контексте разных вопросов.

В досоветской историографии выделяются работы К.П. Кауфмана, Н.П. Остроумова, Н.А. Бобровникова, В.П. Наливкина и Н.С. Лыкошина. Исследования данных царских чиновников-ориенталистов в контексте проблем образования в Туркестанском крае помогут рассмотреть отношения власти к проблеме образования местного народа с целью формирования чиновничьего класса.

Если в трудах К.П. Кауфмана отмечается особая важность русского образования в русско-туземных школах (Проект Всеподданнейшего, 1885: 436-437), то Н.П. Остроумов описывает начало внедрения модели имперского образования в регионе (Остроумов, 1895: 145). Труды Н.А. Бобровникова и В.П. Наливкина также дают всесторонние сведения о системе образования в крае. А работа Н.С. Лыкошина рассматривает вопрос об образовании «туземных» мальчиков в «русско-туземных» школах, которые в будущем имели возможность построить себе карьеру чиновника в аппарате колониальной власти (Лыкошин, 1916: 78-81).

В советское время данная проблема была рассмотрена такими учеными, как С.Д. Муравейский и К.Е. Бендриков. Первый из них обращает внимание на то, что «в русско-туземных школах» готовились «прямые союзники» царского чиновничьего аппарата (Муравейский, 1926: 8). К.Е. Бендриков отмечает роль

русско-туземных школ в построении карьеры в управлении для представителей местного народа (Бендриков, 1960: 196).

В период независимости Казахстана данная проблема также была затронута в работах отечественных исследователей. Так, одним из первых отечественных ученых, кто обратил внимание на данную проблему, была историк Султангалиева Г.С. Ею было представлено научное изучение вопросов формирования и функционирования казахского чиновничества на территории всего степного пространства (Султангалиева, 2015). Ученый М. Койгельдиев также рассматривал роль русско-туземных школ в контексте истории колонизации Семиречья Российской империей. Он подверг критике мнение о популярности подобных школ в области и указал на его несостоятельность заменить «местные мусульманские школы» (Койгельдиев, 2014: 143).

В исследовании Н.А. Адельбаевой по проблемам школьного образования в Семиреченской и Сырдарьинской областях в XIX – нач. XX вв. рассматривается деятельность русско-туземных школ в плане подготовки переводчиков и писарей для царской администрации из коренного населения Семиречья (Адельбаева, 2010). Также у С.К. Удербоевой имеется научная работа, где она показывает роль учебных заведений в подготовке кадров в управлении краем. В данной работе автор больше внимание уделяет Верненской мужской гимназии (Удербоева, 2021: 177-182). Подобная научная статья имеется и у Мухатовой О.Х., которая исследует также Верненскую мужскую гимназию. Однако Мухатова О.Х. рассматривает роль данного учебного заведения в контексте проблемы формирования корпуса семиреченских алашординцев (Мухатова, 2023).

Другим интересным трудом по данной теме является статья А. Бисеновой и К. Медеуовой. Авторы отмечают, как «образованные» казахи начала XX века подверглись критике со стороны поэтов и других общественных деятелей из-за их чрезвычайно сильного стремления занять определенные должности в управлении. Более того, авторы проводят параллель между подобными казахами, получившими

«по-новому» образование в начале XX века, с казахстанской молодежью, получившей западное образование в начале XXI века. Особенно обращается внимание на выпускников государственной программы «Болашак». Таким образом, в статье указывается, что названные две категории казахской молодежи, жившей в разные периоды времени – в начале XX и XXI веков соответственно, были надеждой общества в «его новых модернизационных условиях» (Бисенова и др., 2016).

Материалы и методика

Данная статья написана с использованием материалов архивных фондов ЦГА РК, местной периодической печати и официальных справочников. Документы, извлеченные из фондов 44 («Семиреченское областное правление») и 94 («Верненская мужская гимназия»), дают сведения об учебных заведениях, казахах-выпускниках и их деятельности. В них также можно проследить динамику изменения отношения местного населения к образовательной системе Российской империи.

«Обзоры Семиреченской области» за разные годы как статистические данные также позволили выявить количество казахских детей, обучавшихся в имперских образовательных учреждениях на территории области. Газета «Семиреченские областные ведомости» способствовала определению отношения власти к образованию казахских детей в области. Оба источника как официальные данные в определенной степени помогли построить общую картину исследуемой проблемы.

В данной статье автор использует историко-нарративный, системный, хронологический подходы. В определении сущности проблемы был использован компаративный анализ, который помог рассмотреть вопрос с разных сторон.

Также автор широко использовал статистический метод, с помощью которого удалось выявить основные тенденции в образовании казахских детей в имперских образовательных учреждениях.

Результаты

Сразу стоит отметить, что учебные заведения, имевшие непосредственное участие в подготовке казахских чиновников в Семиреченской области, представлены в четырех типах. Их список представлен в хронологическом порядке и никак не отображает градацию их роли в подготовке местных кадров. Таким образом, рассматриваемые типы учебных заведений выглядят следующим образом:

1. Приходские училища, станичные школы;
2. Сельско-хозяйственные школы;
3. Верненская мужская гимназия;
4. Русско-туземные школы.

Ниже представлены попытки обозначения их роли в рамках исследуемой проблемы.

Приходские училища, станичные школы. В начале образования Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства учебные заведения в регионе были представлены в виде приходских училищ и станичных школ. В них обучались дети русских жителей области. А казахские дети учились в мусульманских религиозных школах – медресе, то есть казахские мальчики учились отдельно от русских не в правительственных учреждениях. Соответственно, казахские дети не были вовлечены в учебные школы царского правительства.

С другой стороны, в это время и со стороны правительства не выделялись средства на образование детей из местного населения. На то и не было необходимости, так как казахи боялись разных последствий и не отдавали своих детей в русские школы. Они опасались, что их дети в русских школах будут русифицированы или примут христианство, следовательно, отдавали своих сыновей только в традиционные мусульманские школы (Жойгелдиев, 2014: 138-139).

Ситуацию хотел изменить Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, который первым в регионе «забил тревогу». Он выступал за привлечение казахских детей к образованию в русских школах для формирования «полезных

граждан» (Қойгелдиев, 2014: 139). Более того, К.П. фон Кауфман считал, что, только создав привлекательную русскую школу для туземцев, можно их больше задействовать. По его мнению, туземцы должны чувствовать «необходимость для всякого рода общественной службы и деятельности» знаний, приобретенных в русских школах. Также генерал-губернатор, обращаясь к военным губернаторам, просил принять «настоятельные меры к тому, чтобы туземцы, знающие русский язык, избирались и назначались на разные административные должности и службы, предпочтительно пред незнающими русского языка» (Остроумов, 1895: 145). Тут уже все предельно ясно, на что были ориентированы их позиции в плане просвещения туземного населения.

В масштабе области уже военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский поддержал и продолжил инициативы, предложенные Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом. С его стороны также были проявлены старания по привлечению казахских детей в русские школы. Однако, несмотря на подобные инструкции со стороны генерал-губернаторства и области, ситуация в уездах особо не сдвинулась с места. Ведь именно в уездах в основном находились русские школы, куда должны были призвать казахских мальчиков. Их посещения русских школ были лишь единичные случаи и массового характера не было никакого. Как свидетельствуют исторические источники, даже в тех местах, где казахские дети были вовлечены в учебные процессы государственных школ, количество казахских учащихся было очень низким. Например, согласно сообщению Копальского уездного начальника Рейнтала от 19 января 1876 года, при Копальском приходском училище был открыт пансион для казахских детей, однако их количество тут составило всего лишь 15 человек (Қойгелдиев, 2014: 139).

Кстати, можем твердо констатировать, что из 15 казахских учеников Копальского приходского училища, о которых

сообщил генерал-лейтенант Рейнталь, двое были братья Турдыбек и Барлыбек Сыртановы. В ЦГА РК имеются документы, свидетельствующие об этом. Так, например, в одном из прошений переводчика туземных наречий при Семиреченском областном правлении Турдыбека Сыртанова военному губернатору Семиреченской области автор сначала описывает, как Г.А. Колпаковский призывал учиться в русских учебных заведениях: «Вскоре по водворении русского владычества и окончательном устройстве порядка управления в приилийском крае, бывший военный губернатор Колпаковский, следуя предначертаниям устава о сибирских киргизах и озабочиваясь привлечением на государственную службу лиц из туземного населения, объявил последнему о неотложной необходимости обучать молодое киргизское поколение в русских учебных заведениях». Здесь Турдыбек Сыртанов указывает, что именно представители его рода Найман первыми откликнулись на данный призыв областного начальника. Далее он отмечает: «Отцу моему, Сыртану Бокину, как потомку рода Найман, в коем родоначальниками были мои деды и прадеды, бывшим военным губернатором генералом Колпаковским и уездным начальником полковником Рейнталем, лично знавшими отца моего, был дан совет обучать своих детей, дабы сделать из них ревностных и верных слуг Белому Царю». Вследствие этого автор отмечает, что он и его брат Барлыбек «были помещены во вновь устроенный Копальский киргизский пансион» (Центральный государственный архив (далее ЦГА РК) Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 25). Следовательно, убеждаемся в верности версии о том, что именно братья Сыртановы были в составе тех 15 первых казахских учеников, проживавших в пансионе при Копальском приходском училище.

Однако в 80-х годах XIX века ситуация начинает меняться. На примере количества казахских мальчиков, проживавших в пансионе Копальского приходского училища в 1883-1886 годах, мы можем проследить данную тенденцию.

Таблица 1.

Год	1883	1884	1885	1886
Количество русских учеников	7	4	5	5
Количество казахских учеников	10	12	14	13
Общее	17 (Обзор, 1884: 47)	16 (Обзор, 1885: 65)	19 (Обзор, 1886: 68)	18 (Обзор, 1887: 646)

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период количество казахских детей в русских школах показывает незначительный рост или постоянный характер.

В Копальском приходском училище обучали основам грамотности, письменности и преподавали основные естественно-познавательные предметы. Их ученики по завершению обучения в училище могли продолжить своё обучение в гимназиях и других учебных заведениях области или за ее пределами. Тем не менее данное учебное учреждение стало альма-матер для многих чиновников области, которые позже служили в управлении региона.

Сельскохозяйственные школы. В 1887 году царским правительством было решено упразднить пансионы и ученические квартиры, в также сами приходские училища. На их базе планировалось создание трех сельскохозяйственных школ в Копале, Караколе и Джаркенте (Обзор, 1888: 65). Таким образом, на сцену народного просвещения области выходят уже новые типы школ вместо приходских училищ. Именно в таких школах затем стали учиться казахские дети.

Количество казахских мальчиков, обучающихся в сельскохозяйственных школах в Семиреченской области в 1888 году, составило 19 человек. Из них в Копале было 13, в Джаркенте – 6 казахских учеников (Обзор, 1889: 54). К концу XIX века в Копале и Джаркенте было 17 и 4 казахских учащихся соответственно (Обзор, 1900: 79-80).

В сельскохозяйственных школах в Копале и Джаркенте учеников обучали навыкам ведения хозяйства. В зависимости

от территориальных или природных особенностей расположения подобных школ, учащимся преподавались основы сельскохозяйственной деятельности. Кроме того, данные школы учили детей грамоте и преподавали самые первостепенные предметы. Таким образом, выпускники этих учебных заведений по окончании учебы могли как работать в разных сферах общества, так и продолжить своё образование в других учебных учреждениях империи.

Верненская мужская гимназия. Другим важным учебным заведением, внесшим большой вклад в подготовку казахских чиновников области, была Верненская мужская гимназия. Ее образование было заложено еще в проекте К.П. Кауфмана от 1874 года, который предусматривал открытие в крае семинарской школы и двух гимназий. Однако его предложения были утверждены отчасти, только идея об открытии мужской гимназии в городе Верный получила одобрение министерства финансов. Соответственно, 17 мая 1875 года вышло специальное повеление об открытии с 1 июля 1876 года Верненской мужской прогимназии (Проект Всеподданнейшего, 1885: 436-437).

Вначале она была создана как среднее образовательное учреждение с четырехклассным образованием. В 1879 году она была преобразована в шестиклассную, затем в 1881 году – в полную гимназию классического стиля с восьмиклассным образованием. Несмотря на то, что гимназия была образована с уклоном на гуманитарно-филологическое направление, в учебном заведении детей обучали основам грамоты и письма. В учебной программе также

были естественно-научные и творческие предметы.

В 1877 году при гимназии учреждена ученическая квартира, которая позже преобразовалась в пансион. В данном пансионе вместе с другими учениками казахские дети из разных отделенных мест области также могли жить и учиться в гимназии. Ежегодно для казахских учеников отдельно выделялись специальные квоты на места в пансионе. Данные условия стали еще одним фактором стремления местных казахов отдать своих детей обучению в

гимназии. Хотя в начальные годы в отчетах гимназии было отмечено низкое желание местного народа в определении своих детей в этом учебном заведении (Обзор, 1883: 69-70).

К концу XIX века количество казахских детей, обучающихся в Верненской мужской гимназии, было в среднем на уровне 18-19 учеников. В «Обзорах Семиреченской области» за 1895-1899 годы количество казахских учеников гимназии показано в нижеследующей таблице.

Таблица 2.

Год	1895	1897	1898	1899
Количество казахских учеников гимназии	22 (Обзор, 1895: 73)	19 (Обзор, 1897: 62)	16 (Обзор, 1898: 62)	17 (Обзор, 1900: 75)

Несколько иная ситуация складывается в начале XX века. В это время сначала наблюдается увеличение количества казахских учеников гимназии, а затем ко второй декаде XX века – их количество резко

сокращается. Например, в таблице ниже можно увидеть, что количество казахских мальчиков, обучающихся в гимназии, показывает незначительный рост по сравнению с показателями конца XIX века.

Таблица 3.

Год	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Количество казахских учеников гимназии	18 (Обзор, 1901: 56)	23 (Обзор, 1902: 52)	22 (Обзор, 1903: 55)	21 (Обзор, 1904: 47)	25 (Обзор, 1905: 65)	22 (Обзор, 1906: 103)	22 (Обзор, 1907: 108)	20 (Обзор, 1908: 104)	23 (Обзор, 1909: 87)

В противоположность к данным сведениям можно привести количество

казахских учащихся гимназии за 1909-1913 годы, где наблюдается значительный спад.

Таблица 4.

Год	1909	1910	1911	1912	1913
Количество казахских учеников гимназии	13 (Обзор, 1910: 78)	14 (Обзор, 1911: 105)	8 (Обзор, 1912: 98)	14 (Обзор, 1913: 99)	13 (Обзор, 1914: 106)

Как видим из сведений, приведенных выше «Обзорами Семиреченской области» за указанные годы, количество казахских детей, обучающихся в Верненской гимназии, показывало с конца XIX века до второй

декады XX века относительно стабильный рост. Однако на рубеже первой и второй декад XX века ситуация резко поменялась. Уже удельный вес казахских мальчиков в составе обучающихся в гимназии

сократился почти в два раза. Но тем не менее выделенные 20 мест в «Киргизском пансионе» для казахских детей оставались неизменными в течение длительного периода в начале XX века. Отсюда возникает очень логичный и интересный вопрос о причинах такой тенденции. Так почему же количество казахских учеников резко сократилось? В чем причина? Эти вопросы, несомненно, требуют ответа. В исторических источниках не были найдены ответы на них. Поэтому ниже нами сделаны попытки найти ответы на данные вопросы. Для этого очень важно проследить динамику образовательной политики царизма в области, а также деятельность казахских выпускников гимназии в контексте истории Семиреченской области в начале XX века.

Так, в первую очередь, обращаем внимание на то, что казахские выпускники Верненской мужской гимназии активно были привлечены в разные виды деятельности в области. Особенно их деятельность в управлении ярко была отражена в источниках. Многие выпускники, получившие «Аттестат зрелости» по завершению учебы в гимназии, имели разные возможности в продолжении своей учебной, карьерной деятельности. Для них как минимум открылись двери многих административных учреждений в области, где они могли занять должности разных степеней. А самые успешные из них получили колоссальные возможности продолжить своё обучение в ведущих университетах Российской империи.

В качестве яркого примера этому можно привести Барлыбека Сыртанова. Окончив Верненскую мужскую гимназию в 1886 году, он продолжил свое обучение в Санкт-Петербурге. Там он поступил на факультет востоковедения Санкт-Петербургского университета (ЦГА РК Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 26). Данный факт даже был отмечен в «Обзоре Семиреченской области» за 1886 год как исторический момент, так как он был первым казахским выпускником гимназии (Обзор, 1887: 63). После окончания учебы он участвовал во многих административных делах области, занимал множество позиций в системе управления. Его яркая учеба и карьера

проложила путь многим семиреченским казахским мальчикам. Вслед за ним последовала целая волна казахских учеников, которые также продолжили своё образование в ведущих университетах России и позже служили правительству.

Так, в качестве примера можно привести тех казахских выпускников гимназии, которые продолжили свою учебу в университетах Казани, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга и Томска. Например, Сатылган Сабатаев после окончания учебы в Верненской гимназии в 1895 году поступил сначала в Московский Лазаревский Институт восточных языков, по окончании которого имел чин 12 класса и занимал разные должности в административных структурах Семиреченской области. Более того, он позже окончил также Московский сельскохозяйственный институт (Удербаяева, 2014: 231-235).

Стоит отметить и профессионального врача Жаксылыкова Ыскака, отучившегося в Верненской мужской гимназии в 1888-1896 годы. После гимназии он получил диплом Томского университета, где он учился на факультете медицины. Он также был задействован в управленческих делах области (Кенжалин, 2012: 34).

Тубек Исенгулов после окончания Верненской мужской гимназии в 1898 году тоже продолжил свое обучение в одном из ведущих учебных заведений империи. Получив диплом Казанского ветеринарного института в 1902 году, получил возможность поработать в структурах управления Семиреченской области (Кенжалин, 2012: 32). В данный институт в Казани поступил другой выпускник Верненской мужской гимназии Ибрагим Джайнаков. Однако он не смог закончить данное учебное заведение по состоянию здоровья. Поэтому был отправлен в родной край, где поступил на государственную службу в рядах Верненского уездного правления (Толенова, 2019: 571).

Известный казахский инженер Мухамеджан Тынышпаев также был выпускником вышеназванной гимназии. Он там учился в период с 1889 по 1899 годы. После гимназии он в 1900-1905 годы отучился в Императорском институте

инженеров путей сообщения имени Александра I в Санкт-Петербурге. При этом стоит отметить, что туда он поступил благодаря ходатайству директора Верненской мужской гимназии М. Вахрушева. М. Тынышпаев также занимал административные должности в Семиреченской области (Жүгенбаева, 2000: 75-76).

Кроме того, стоит отметить выпускников гимназии 1911 года. В этом году Нусипбек Жакыпбаев и Базарбай Мамбетов окончили данное учебное заведение. Если первый из них затем отправился учиться в Киевский университет, то второй поступил в Казанский университет. Н. Жакыпбаев в качестве врача и Б. Мамбетов как профессиональный юрист также служили государству. Они тоже были чиновниками в Семиреченской области (Кенжалин, 2012: 32).

Стоит отметить и тот факт, что некоторые ученики Верненской мужской гимназии, не закончившие учебу по разным причинам, но освоившие основы грамотности и основные навыки и знания, также могли быть частью управленческой системы области. В качестве примера можно привести случаи Исы Тергеусизова, Турдыбека Сыртанова или Толембая Дуйсебаева. Несмотря на то, что они не получили «Аттестат зрелости» гимназии, все равно поступили на государственную службу и занимали должности разного ранга. По этому поводу Турдыбек Сыртанов пишет следующее: «по слабости здоровья и совету врачей должен был выйти из пятого класса гимназии, вполне довольный полученным мною свидетельством, давшем мне право поставить на действительную государственную службу и получить первый классный чин без экзаменов» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1804. Л. 26). Данный факт явно свидетельствует о том, что не прошедшие полный курс обучения Верненской мужской гимназии, однако имеющие базовые знания, навыки и свидетельства, вполне могли претендовать на службу в системе администрации области.

Более того, Верненская мужская гимназия пользовалась спросом и среди детей местных служащих. Казахские

чиновники охотно пытались обучать своих детей в данной гимназии с надеждой на светлое карьерное будущее. Например, отставной губернский секретарь, много лет занимавший разные должности в составе управления Семиреченской области Асылходжа Курманбаев в своем прошении военному губернатору области от 4 июня 1911 года отмечает, что, «желая дать воспитание своему сыну Султан-Галию», он просит определить его сына в гимназию. Кроме того, он в прошении не забывает указать и свои заслуги в государственной службе: «Смею надеяться, что Ваше Превосходительство, во внимание к моей многолетней и безупречной службе в Семиреченской области и бедности, не откажете в удовлетворении настоящей моей просьбы» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 28427. Л. 15). Известно, что переводчик областного правления Калыгул Чигиров пытался зачислить двух своих сыновей на учебу в гимназии (ЦГА РК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2867. Л. 1). Казахские чиновники Серикпай Канаев, Едыге Кульбаев и Егеубек Джиенбаев также писали прошения военному губернатору о принятии их сыновей Нурбека, Омара и Мингалия соответственно на учебу в гимназии (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 28427. Л. 5-30). Естественно, своими прошениями казахские чиновники хотели создать условия для дальнейшего обучения и построения успешной карьеры своих детей.

Все эти приведенные сведения прекрасно показывают значение самого крупного учебного заведения Семиреченской области в подготовке кадров для местной администрации из числа казахского населения. Не исключено, что подобные яркие примеры выпускников гимназии послужили стимулом для многих казахских детей. Следовательно, произошли изменения и в отношениях местного населения к русским учебным заведениям. Данный факт отмечен также на страницах газеты «Семиреченские областные ведомости» в номере 79 от 10 апреля 1911 года. Статья, посвященная образованию семиреченских казахских детей, описывает, как вначале казахи отказывались дать своих детей на

обучение в русских учебных заведениях. Затем отмечается, что в начале XX века данная тенденция изменилась. Вот что газета пишет по этому поводу: «...когда из училищ выходили более или менее грамотные люди, которые самостоятельно добывали себе «кусочек хлеба», и из Верненской гимназии – люди, которые отправлялись в высшие учебные заведения и выходили оттуда полезными членами общества, они поняли, что ошибались и напрасно противились такому благотворному началу» (Образование среди..., 1911: 4). Понятно, что эти сведения носят субъективный характер, их пишут с позиции государства. Но тем не менее, судя по вышеприведенным данным, можно согласиться с мнением, указанным в статье.

Таким образом, в начале XX века в Семиреченской области образовалась некая волна казахских новообразованных граждан из числа выпускников Верненской мужской гимназии, которые были частью управленческого звена области. Они занимали разные должности в управлении регионом. В определенной степени их деятельность начала влиять на те или иные события в кочевом обществе. Однако подобные влияния отдельных выпускников гимназии иногда выходили за рамки политики царской власти. В доказательство чего можно привести деятельность семиреченских казахских чиновников, которые распространяли среди кочевого народа брошюру с сочинением М. Дулатова «Оян, қазақ». Особенно такая работа активно велась казахскими переводчиками. Например, в «Донесении сотрудника (агент) «Кара» Заведующему розыскным пунктом о распространении среди кочевого населения сочинения М. Дулатова «Оян, қазақ!» отмечено, что «Сочинение «Оян, қазақ» распространено по всей Семиреченской области через переводчиков. В Верненском уезде через переводчика Ибрагима Джайнакова» (Алаш в истории..., 2018: 19-20). В другом источнике одним из активных распространителей данной брошюры указывается Иса Тергеусизов. В одном из донесений на него отмечено, что «По полученным во вверенном мне районе агентурным сведениям, переводчик

вверенного Вам управления по имени Иса приезжал в г. Верный Семиреченской области и там передал через своего сына некоему Ибрагиму семь экземпляров преступной брошюры под заглавием «Оян, қазақ!» для распространения, каковые брошюры действительно и разошлись по рукам» (Қыдырбек, 2013). Также, помимо И. Джайнакова и И. Тергеусизова, в списке распространителей данной брошюры фигурируют имена многих чиновников области, большинство из которых являются выпускниками Верненской мужской гимназии.

В других источниках имеются сведения о том, что местная администрация Семиреченской области подозревала другого выпускника гимназии Барлыбека Сыртанова в антиправительственных действиях. Со стороны власти его действия были оценены как его «желание объединить мусульман области, пользуясь недовольством их по поводу отчуждения киргизских земель под переселенцев» (Алаш в истории, 2018: 26).

Вследствие приведенных выше примеров, скорее всего мы имеем возможные причины сокращения количества казахских детей в контингенте Верненской мужской гимназии к 1910 годам. Не исключено, что местная власть была свидетелем, как в начале XX века в области образовалась группа казахских выпускников гимназии, которые имели в определенной степени влияние на кочевое общество. Был риск того, что «армия, состоящая из местных чиновников», которую когда-то создавала царская власть своими руками, теперь могла действовать против них же самих. Следовательно, таким образом колониальная власть, опасаясь распространения в регионе каких-либо оппозиционных идей казахскими выпускниками гимназии, могла искусственно сократить количество учащихся из казахского населения.

Данную позицию подкрепляет также позиция К.Е. Бендрикова в книге по истории народного образования в Туркестане во второй половине XIX – начале XX веков. Он утверждает, что «После революции 1905 года царизм стремился усилить влияние

власть имущих классов России в Туркестане, ослабить национальные элементы в общественной жизни народов Средней Азии. Одной из мер денационализации коренного населения служило расширение сети русских и русско-туземных школ в крае». Тем самым, по его утверждению, власть предпринимала попытки по возвышению русского населения над коренными в политико-идеологическом значении (Бендриков, 1960: 283).

Другой версией вопроса о причинах резкого сокращения количества казахских детей в гимназии могли быть последствия переселенческой политики в Семиреченской области. Как известно, в начале XX века вследствие массового переселения народа из внешних губерний России в Семиречье и реформ Столыпина, удельный вес казахов в области сократился с 80% до 60% по сравнению с данными конца XIX века. В противоположность этому, численность русского населения области выросла почти в два с половиной раза (Қойгелдиев, 2014: 96). Следовательно, возможно, это могло привести к увеличению количества желающих поступить в гимназию русских детей. Не исключено, что данный факт может также внести свой вклад в определение мест для детей казахского народа.

Как уже выше было отмечено, нами не были найдены официальные ответы на вопрос о причине резкого сокращения количества казахских мальчиков в гимназии ко второй декаде XX века. Следовательно, мы на основе анализа приведенных данных выдвигаем свои версии о попытке местной администрации ослабить влияние выпускников гимназии в обществе и последствиях переселенческой политики. Сразу стоит оговориться, что мы не исключаем что основная причина может быть совсем иной. Однако, даже в таком случае, мы уверены, что предложенные нами версии могут быть, как минимум, второстепенными причинами столь резкого сокращения количества казахских учеников в гимназии.

Русско-туземные школы. В Семиреченской области русско-туземные школы появились к концу XIX века. Данные

начальные школы были первыми школами в регионе, которые дали детям местного населения светское образование. Они были созданы с целью обучения детей местного населения русскому языку и приобщения их к русской культуре. В долгосрочной перспективе ученики данных школ после окончания четырехлетней учебы должны были либо продолжить своё обучение в других высших учебных заведениях, либо пополнить ряды лояльных правительству чиновников, служащих в разных структурах местного управления (Васильев, 2019: 8-9).

Вообще русско-туземные школы считались уникальными учебными заведениями, созданными на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Однако идея об образовании таких школ была заимствована от имперской практики Французской империи по инкорпорации местной арабской аристократии к единой административной структуре. Созданные Францией в Алжире арабо-французские школы были взяты в основу проекта по созданию подобных учебных заведений на территории Туркестанского края (Бендриков, 1960: 187).

Русско-туземные школы изначально назывались училищами, однако в обществе они были восприняты как «школы». Следовательно, в разных исторических источниках они представлены как школы. Они по своей структуре были поделены на два класса – русский и «туземный» классы. Занятия у них велись отдельно друг от друга, с разными преподавателями. Таким образом, данная школа была как бы «симбиоз мактаба и русской начальной школы» (Бобровников, 1913: 6).

Как известно, в первые годы создания русско-туземных школ они не пользовались большим спросом большинства кочевого населения. Местные казахи не спешили отдавать своих детей туда на обучение. Но официальные сведения и наблюдения отдельных русских чиновников или исследователей отмечают, что постепенно ситуация менялась. Они утверждали, что если в начале подобные школы создавались лишь под приказом администрации, то уже в начале XX века местное население само просило открыть другие такие

учебные заведения (Бендриков, 1960: 328), то есть изменилось отношение коренного населения к таким школам.

Примечателен тот факт, что царская власть использовала достаточно хитрые приемы при создании русско-туземных школ. В финансовом плане данные школы были образованы при помощи как государства, так и местной знати в лице богатых граждан. Последним был присвоен статус «почетные блюстители». Они считались спонсорами школ при условии, что они выделяют на содержание учебных заведений не менее 100 рублей в год. В свою очередь, русско-туземные школы им дарили награды и отличия, а также подарки в виде халата, серебряного стакана, кинжала или других вещей, стимулирующих и других богатых лиц. Здесь особенно выделяются местные богатые купцы и промышленники. Они, в отличие от местных чиновников, не имея других возможностей быть удостоенными «наград и отличия», охотно шли жертвовать свои деньги на счет русско-туземных школ. Кроме того, подобные «почетные блюстители» потом могли участвовать в жизни школ, например, их в качестве почетных гостей часто приглашали на выпускные экзамены учащихся (Бендриков, 1960: 196-198).

Также царская власть использовала другие методы привлекательности русско-туземных школ в глазах «туземного» населения. На рубеже XIX-XX веков администрацией были использованы показательные экскурсии для обучающихся учебных заведений в города европейской части Российской империи. Подобные «учебно-образовательные» поездки были совершены три раза в 1899, 1900 и 1902 годы. Отобранные на местах лучшие ученики школ из числа местного населения Туркестанского края смогли посетить российские города Астрахань, Саратов, Москва, Петербург, Нижний Новгород, Казань, Баку и другие города. В последующие годы такая практика прекратилась из-за начавшейся русско-японской войны в 1904 году. Все эти экскурсии были направлены

на поднятие статуса русско-туземных школ и повышение привлекательности данных учебных учреждений среди «туземного» населения. Однако в трех совершенных поездках в рядах учеников, посетивших российские города, казахских мальчиков из Семиреченской области не оказалось (Бендриков, 1960: 216-221). Видимо, отразился на ситуации тот факт, что в это время Семиреченская область в административном отношении только переходила, или, скорее всего, возвращалась в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Или же позднее открытие русско-туземных школ в Семиречье по сравнению с другими областями Туркестана сыграло свою роль, потому что в данной области открытия русско-туземных школ имеют свои специфические особенности.

По официальным данным, в Семиреченской области русско-туземные школы берут свою историю с середины 80-х годов XIX века. Однако вначале такие русско-туземные школы были организованы для детей дунганского и таранчинского народов области. Специальные такие школы для казахских волостей открылись лишь в 1899 году.

До 1896 года была лишь одна единственная русско-туземная школа. При этом, если быть конкретнее, она была русско-дунганской и находилась в селе Каракунуз Пишпекского уезда (Обзор, 1898: 65). К 1898 году в официальных сведениях появляются сведения относительно стремлений отдельных казахских волостей об устройстве у них подобных школ (Обзор, 1899: 64). Следовательно, в следующем 1899 году открываются сразу три русско-туземные школы для казахов области (Обзор, 1900: 77-78). Уже в 1900 году казахи 11 волостей области просили им открыть 8 русско-туземных школ (Обзор, 1901: 58). Как свидетельствуют статистические данные, по состоянию на 1901 год, в целом по области в подобных школах обучались 278 мальчиков и одна девочка. Из них 86 мальчиков были казахами (Обзор, 1902: 55-56). Практически одну треть обучающихся данных школ составили дети казахского народа.

Таблица 5

Год	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1907	1908	1909	1910
Количество русско-туземных школ в области	6 (Обзор, 1898: 65)	7 (Обзор, 1899: 64)	12 (Обзор, 1900: 77)	12 (Обзор, 1901: 58)	12 (Обзор, 1902: 55)	13 (Обзор, 1903: 58)	13 (Обзор, 1904: 49)	12 (Обзор, 1905: 70)	13 (Обзор, 1906: 107)	16 (Обзор, 1908: 108)	16 (Обзор, 1909: 91)	23 (Обзор, 1910: 79)	23 (Обзор, 1911: 108]

Как видно из таблицы, в период с 1897 по 1910 годы количество русско-туземных школ на территории Семиреченской области выросло с 6 до 23, почти в четыре раза. Также можем заметить, что их количество в конце XIX росло стремительно, а в начале XX века проявляется некая стагнация. Лишь ко второй декаде XX века количество подобных школ резко возросло. Данное сравнение разных интервалов времени отлично демонстрирует нам динамику изменения как численности подобных учебных заведений, так и отношения власти к таким русско-туземным школам.

Кроме того, обращая внимание на рост количества русско-туземных школ в Семиреченской области за указанный период, можно согласиться с мнением о том, что в начале XX века казахское население пересмотрело свое отношение к таким школам и начало обучать своих детей там. Также не стоит забывать, что в данной области ввиду ее разнообразности в этническом плане в русско-туземных школах обучались не только дети русского и казахского населения, но и дунгане, и таранчи могли получать образование.

С 1903 года при русско-туземных школах начали открывать интернаты. Они особенно нужны были детям кочевого казахского населения. Как свидетельствуют источники, с каждым годом количество казахских детей, проживавших в интернатах, стабильно росло. Несомненно, данный факт также внес свой вклад в стремление казахских детей учиться там.

Окончившие данные школы выпускники могли как учиться дальше в гимназиях и других учебных заведениях, так и начинать работать в разных сферах общества. Обычно те, кто окончил русско-туземные школы с их минимальными знаниями русского языка, шли работать на общественные работы при уездных

и областных правлениях. Они могли осуществлять деятельность нижних уровней чиновничества в местной администрации. По этому поводу К.Е. Бендриков пишет следующее: «русско-туземные школы были важным звеном, объединявшим царскую администрацию с имущими классами коренного населения: эти школы были дорогой к получению выгодных мест в низовом административном аппарате» (Бендриков, 1960: 196).

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что несмотря на многочисленные указания в официальных сведениях о положительной реакции местного народа на русско-туземные школы, многие современные исследователи не соглашаются с подобными позициями. По их мнению, такие сведения, указанные в официальных источниках, имеют субъективный характер. Следовательно, данную точку зрения критикуют многие современные ученые. Например, исследователь Ш.Б. Мухамедов, изучая учебное дело в Туркестанском крае, отмечает, что сведения о большом стремлении местного народа учиться в русско-туземных школах были лишь «на бумаге». Такое положение дела было отмечено только в официальных отчетах местной администрации, а в действительности ситуация была иная (Мухамедов, 2017: 236-237).

Известный казахский историк М. Койгельдиев также в своих исследованиях подверг сомнению популярность русско-туземных школ в Семиреченской области. По его мнению, несмотря на рост количества подобных учебных заведений, они не могли заменить в регионе традиционные мусульманские школы (Койгельдиев, 2014: 143).

Следовательно, можно констатировать, что даже при наличии многих недостатков данной системы, русско-туземные школы

имели определенную весовую подготовку кадров для местного управления из казахского населения. Выпускники русско-туземных школ могли продолжить учебу дальше в других учреждениях. Также окончившие такие школы могли пополнить ряды «мелких» административных служащих-чиновников в системе управления области.

Заключение

Таким образом, в заключение можно сказать, что учебные заведения, расположенные в Семиреченской области, сыграли определенную роль в деле по подготовке местных кадров для управленческого аппарата. Рассмотрев вышеприведенные полученные результаты исследования, можно сформулировать следующие научные утверждения в виде заключения.

Первое: проведение политики колониального образования Российской империей в Казахской степи - вполне объяснимый фактор в условиях империализма. Данная политика как часть колониционных действий практиковалась многими европейскими империями в своих колониях. Для реализации подобной практики царской власти необходимо было изменить традиционные устройства образования и внедрить свою новую систему. Здесь учебные заведения, организованные империей, имели большое значение.

В Семиреченской области царское правительство также внедрило новую систему образования со своими особенностями. Во второй половине XIX века Российская империя активно создавала учебные заведения в данной области, которые внесли огромный вклад в подготовку казахских чиновников, готовых служить к интересам империи.

Второе: создав разные учебные учреждения в области, царская власть обеспечила местное самоуправление кадрами из числа казахского народа. Они были задействованы в разных сферах управления в административном устройстве области.

В большинстве случаев позиции низового аппарата управления области

занимали казахи, ограничившиеся обучением в приходских училищах, сельскохозяйственных или русско-туземных школах. С другой стороны, их профессиональная подготовка соответствовала тем минимальным требованиям, которые были обязательными в осуществлении деятельности в управлении.

Третье: особо стоит отметить роль Верненской мужской гимназии в подготовке казахских чиновников. Данная гимназия стала неким «трамплином возможностей» для казахских выпускников. Они, закончив данную гимназию, либо начинали свою трудовую деятельность в структурах власти области, либо продолжали своё обучение в ведущих университетах Российской империи.

Четвертое: произошли значительные изменения в позиции казахского народа по отношению к государственному образованию. Впредь выходцы из бедной семьи старались усердно учиться в школах, освоить русский язык и занимать должности у власти. Ведь того и требовало правительство: с 1905 года на должность волостного управителя могли претендовать только те, кто владел русским языком. Это, можно сказать, повлияло на то, что бедняки поменяли свои взгляды относительно полезности школ. К тому же такой подход к занятию должности послужил неким «социальным лифтом» для выходцев из бедных семей («Қазақ» газеті, 2018: 62). Теперь они имели право показать свою грамотность и иметь определенные ранги в управлении. А такие изменения, в свою очередь, привели к ментальной трансформации кочевого общества Семиреченской области.

Пятое: с появлением новообразованных казахских граждан в конце XIX – начале XX веков в кочевом обществе произошли существенные изменения. Характер казахского чиновничества в Семиреченской области, как и в других регионах Казахстана, уже преобразился. Изменились как и реалии, представления о государственной службе, так и их контент и требования к занятию должностей.

Также заметным изменением можно назвать значительное расширение круга

занимаемых казахами должностей. Появились казахи-чиновники уже в разных сферах общества. Вероятные их должности не ограничились лишь позициями старшины, волостного управителя, переводчиков или письмоводителей, как в XIX веке. Теперь они уже могли справлять профессиональные обязанности докторов, адвокатов и других должностных лиц. Такая тенденция не раз отмечалась и на страницах газеты «Қазақ» [45; с. 43].

Шестое: так, в начале XX века как продукт колониальной системы образования сформировался чиновничий аппарат из числа образованных казахов, получивших профессиональное образование. Такие казахские чиновники образовали некую волну образованной

казахской молодежи. Они, помимо своей службы государству, также осуществляли деятельность в рамках своих национальных интересов. Отдельные казахские чиновники имели определенное влияние на кочевое общество. Эти моменты, конечно, не могли не волновать колониальную власть. Следовательно, опасаясь распространения каких-либо национальных или антиправительственных идей, она была вынуждена пересмотреть свои позиции по отношению к образованию «туземного» населения.

Вследствие таких утверждений становится очевидным, что учебные заведения Семиреченской области внесли огромный вклад в подготовку казахских чиновников.

Статья подготовлена в рамках проекта AP19678231 МНОВ РК.

Список литературы

- Kachru B.B. The Indianization of English: The English Language in India. – New York: Oxford University Press, 1983. – 223 p.
- Kelly G.P., Altbach P.G. Introduction: «The Four Faces of Colonialism». Education and the Colonial Experience. – New Brunswick: Transaction, 1984. – 315 p.
- Адельбаева Н.А. Особенности формирования и становления школьного образования в Семиреченской и Сырдарьинской областях в XIX – нач. XX вв. // Вестник ЗКГУ. – №4. – 2010. – С. 145-154.
- Алаш в истории государственности Казахстана: идеи, судьбы, наследие. Сборник архивных документов и материалов. Сост.: М.М. Козыбаева, З.Т. Садрокасова, Ф.Р. Лебаев. – Алматы: ТОО «Литера-М», 2018. – 365 с.
- Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 годы). – Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. – 509 с.
- Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // Ab Imperio. – №4. – 2016. – С. 207-255.
- Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное Просвещение в центральноазиатских владениях российской империи как объект аккультурации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – №1. – 2019. – С. 5-13.
- Жүгенбаева Г.С. Мұхамеджан Тынышбаевтың өмірі мен қызметі (1879-1938). Алматы: ҚазККА, 2000. – 228 б.
- К«Қазақ» газеті. 1913 жыл. 2-ші басылымы. Құраст.: С. Смағұлова, Ғ.Әнес, Т. Замзаева. – Алматы: «Арыс», 2018. – 480 б.
- Енжалин Ж. Алаш оқығандары // Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Хабаршысы, «Әлеуметтік және саяси ғылымдар» сериясы. – №3(39). – 2012. –Б. 30-34.
- Қойгелдиев М. Қазақ Елі: Ұлттық бірегейлікті сақтау жолындағы күрес (XIX ғ. – XXI ғ.басы). – Алматы: «Қаратау ҚБ» ЖШС, 2014. – 430 б.
- Қыдырбек Б. «Қазақ дегенде жүрегі шын соғатын...» // 2013. URL: <https://egemen.kz/article/24774-qazaq-degende-dguregi-shyn-soghatyn> (дата обращения 20.06.2023 г.)
- Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград: Тип. Б.Д. Брукера, 1916. – 415 с.
- Муравейский С.Д. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии (опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты). – Ташкент: Узбек. гос. изд-во, 1926. – 37 с.

Мухамедов Ш.Б. Учебное дело в русском Туркестане: организация краевого управления и первые шаги // *Метаморфозы истории.* – №10. – 2017. – С. 236-254

Мұхатова О.Х. Верный ерлер гимназиясы және Жетісу Алаш қайраткерлері // *Электронный научный журнал «edu.e-history.Kz».* - №10(1). – 2023. – Б.138–153.

Обзор Семиреченской области за 1882 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1883. – 78 с.
Обзор Семиреченской области за 1883 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1884. – 96 с.
Обзор Семиреченской области за 1884 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1885. – 66 с.
Обзор Семиреченской области за 1885 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1886. – 71 с.
Обзор Семиреченской области за 1886 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1887. – 66 с.
Обзор Семиреченской области за 1887 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1888. – 82 с.
Обзор Семиреченской области за 1888 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1889. – 55 с.
Обзор Семиреченской области за 1895 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1896. – 80 с.
Обзор Семиреченской области за 1897 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1898. – 73 с.
Обзор Семиреченской области за 1898 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1899. – 75 с.
Обзор Семиреченской области за 1899 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1900. – 89 с.
Обзор Семиреченской области за 1900 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1901. – 68 с.
Обзор Семиреченской области за 1901 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1902. – 63 с.
Обзор Семиреченской области за 1902 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1903. – 71 с.
Обзор Семиреченской области за 1903 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1904. – 56 с.
Обзор Семиреченской области за 1904 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1905. – 80 с.
Обзор Семиреченской области за 1905 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1906. – 112 с.
Обзор Семиреченской области за 1906 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1907. – 121 с.
Обзор Семиреченской области за 1907 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1908. – 116 с.
Обзор Семиреченской области за 1908 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1909. – 93 с.
Обзор Семиреченской области за 1909 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1910. – 87 с.
Обзор Семиреченской области за 1910 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1911. – 111 с.
Обзор Семиреченской области за 1911 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1912. – 103 с.
Обзор Семиреченской области за 1912 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1913. – 104 с.
Обзор Семиреченской области за 1913 год. – Верный: Тип. Семиреч. обл. правл., 1914. – 110 с.
Образование среди семиреченских киргиз // *Семиреченские областные ведомости.* – №79. – 1911. – С. 4-5.

Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае Личные воспоминания. – Ташкент, 1895. – 286 с.

Проект Всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. (1885). – СПб.: Военная типография, 1885. – 539 с.

Султангалиева Г.С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers du Monde russe.* – №10/1. – 2015. – р. 651-679.

Толенова З.М., Оразов Р.Е. История Алаш в судьбах исторических личностей (исторический образ Семиреченского деятеля Алаш – Ыбрайыма Джайнакова) // *Мир Большого Алтая.* – №5(4). – 2019. – С. 566-585.

Удербаета С.К. Казахский чиновник Семиречья, востоковед, агроном, переводчик Сабатаев Сатылган // *Российская деревня в XVIII—XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX междунар. науч.-практ. конф.* – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. – 292 с.

Удербаета С.К. Казахские чиновники Туркестанского края: монография в документах и материалах. – Алматы: Қазақ ун-ті, 2021. – 247 с.

Мирас Е. Абдрахим

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Жетісу облысындағы отарлық білім беру Ресей империясының әлеуметтік тәжірибелері ретінде (XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басы)

Аңдатпа. Бұл мақалада автор Жетісу облысындағы отарлық білім беру ісінің Ресей империясының әлеуметтік тәжірибесі ретіндегі рөлін қарастырады. Әкімшілік істер үшін жергілікті қазақ халқының қатарынан кадрлар даярлау бойынша отарлық білім берудің ерекшеліктерін

анықтайды. Облыс аумағында патшалық өкімет орнатқан барлық білім беру ұйымдарының рөлдері анықталып, олардың қазақ шенеуніктер корпусын дайындаудағы үлестерін бағалайды. Облыстағы білім беру мекемелерінің қазақ түлектерінің қызметтерін аумақтағы XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасыр басындағы отарлау саясаты контекстінде қарастырады.

Мақалада автор империя орнатқан білім беру ұйымдарына барған қазақ оқушыларының санына мән бере отырып, жергілікті қазақ халқының патшалық өкіметтік білім беру ісіне қатысты позицияларын айқындайды.

Сондай-ақ мақала авторы облыстағы білім беру мекемелерінің жергілікті әкімшіліктік кадрлер дайындау ісінің салдарларын талқылап, олардың XIX ғасырдың соңы мен XX ғасыр басындағы көшпелі қазақ қоғамының қоғамдық дамуына қосқан үлестерін талдайды.

Қорытынды бөлімде зерттеуші алынған нәтижелер негізінде Жетісу облысындағы отарлық әкімшіліктегі жергілікті кадрлер даярлау ісіне ерекше мән бере отырып, патшалық өкіметтің отарлық білім беру ісіне қатысты өзінің пайымдауларын келтіреді.

Түйін сөздер: Жетісу облысы; отарлық білім беру; Ресей империясы; Верный ерлер гимназиясы; орыс-түземдік мектебі; қазақ шенеуніктігі; «түземдік» әкімшілік

Miras Y. Abdrakhim

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Colonial education in the Semirechensk Oblast as social practices of the Russian Empire (the 2nd half of the XIX – early XX centuries)

Abstract. In this article, the author examines the role of colonial education in the Semirechensk Oblast as a social practice of the Russian Empire. Identifies the features of colonial education for the training of a personnel from among the local Kazakh population for administrative affairs. He defines the role of each individual educational organizations organized by the tsarist authorities in the region, and makes an attempt to assess their contribution to the training of the corps of Kazakh officials. The author analyzes the activities of Kazakh graduates of educational institutions in the region in the context of the colonial history of the Semirechensk Oblast in the late XIX – early XX centuries.

In the article, a special role is given to the number of Kazakh students involved in imperial educational organizations, thereby determining the position of the local Kazakh population in relation to government education.

The author also draws attention to the consequences of the training of local personnel by educational organizations of the region in the management of the region, assessing their contribution to the social life of the Kazakh nomadic society of the late XIX – early XX centuries.

In conclusion, based on the results of the study, the author gives his arguments regarding the problem of the colonial education of the tsarist government in the Semirechensk Oblast, paying special attention to the case of training local personnel for the colonial administration.

Key words: Semirechensk Oblast, colonial education, Russian Empire, Vernyi men's gymnasium, Russian-native school, Kazakh officialdom, «indigenous» administration

References

Adel'bayeva N.A. Osobennosti formirovaniya i stanovleniya shkol'nogo obrazovaniya v Semirechenskoy i Syrdar'inskoy oblastiakh v XIX – nach. XX vv. [Features of the formation and development of school education in the Semirechensk and Syrdarya regions in the XIX - early XX centuries], 4, 145-154 (2010) [in Kazakh]

Alash v istorii gosudarstvennosti Kazakhstana: idei, sud'by, nasledie. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov [Alash in the history of the statehood of Kazakhstan: ideas, destinies, heritage. Collection of archival documents and materials]. (Almaty, 2018, 365 p.) [in Russian]

Bendrikov K.E. Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865-1924 gody) [Essays on the history of public education in Turkestan (1865-1924)]. (Moscow, 1960, 509 p.) [in Russian]

Bisenova A., Medeuova K. Davleniye metropoliy i tikhii natsionalizm akademicheskikh praktik [The pressure of metropolises and the quiet nationalism of academic practices], 4, 207-255 (2016) [in Russian]

- Kachru B.B. The Indianization of English: The English Language in India. – New (York, Oxford University Press, 1983,223 p.) [in English]
- Kelly G.P., Altbach P.G. Introduction: «The Four Faces of Colonialism.» Education and the Colonial Experience. (New Brunswick, Transaction, 1984,315 p.) [in English]
- «Qazaq» gazetі. 1913 zhyl. 2-shi basylymy [The «Kazakh» newspaper. 1913. 2nd edition]. (Almaty, 2018, 480 p.) [in Kazakh]
- Kenzhalin Zh. Alash oqygandary [Educated Alash members]. Abai atyndagy QazUPU-dyn Habarshysy, «Aleumettik zhane sayasi gylymdar» seriyasy,3(39), 30-34(2012) [in Kazakh]
- Koigeldiev M. Qazaq eli: Ulttyq biregeilikti saqtay zholyndagy kures (XIX-XX g. basy) [Kazakh Eli: the struggle for the preservation of national identity (XIX-early XXI centuries)]. (Almaty, 2014, 430 p.) [in Kazakh]
- Lykoshin N.S. Polzhizni v Turkestanе. Ocherki byta tuzemnogo naseleniya [Half a life in Turkestan. Essays on the life of the indigenous population]. (Petrograd, 1916, 415 p.). [in Russian]
- Mukhamedov Sh.B. Uchebnoye delo v russkom Turkestanе: organizatsiya krayevoгo upravleniya i pervyye shagi [Educational business in Russian Turkestan: organization of regional administration and first steps],10, 236-254(2017) [in Russian]
- Mukhatova O.Kh. Vernyi erler gimnaziya zhane Zhetisu Alash qairatkerleri [Vernyi men's gymnasium and Semirechye's Alash representatives], 10(1), 138–153 (2023) [in Kazakh]
- Muraveyskiy S.D. Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Sredney Azii (opyt kratkogo posobiya dlya sovpartshkol i shkol politgramoty) [Essays on the history of the revolutionary movement in Central Asia (the experience of a brief manual for Soviet party schools and schools of political literacy)]. (Tashkent, 1926, 37 p.) [in Russian]
- Obrazovaniye sredi semirechenskikh kirgiz [Education among the Semirechye's Kirghiz],79, 4-5(1911) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1882 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1882]. (Vernyi, 1883, 78 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1883 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1883]. (Vernyi, 1884, 96 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1884 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1884]. (Vernyi, 1885, 66p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1885 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1885]. (Vernyi, 1886, 71 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1886 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1886]. (Vernyi, 1887, 66 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1887 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1887]. (Vernyi, 1888, 82 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1888 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1888]. (Vernyi, 1889, 55 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1895 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1895]. (Vernyi, 1896, 80 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1897 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1897]. (Vernyi, 1898, 73 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1898 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1898]. (Vernyi, 1899, 75 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1899 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1899]. (Vernyi, 1900, 89 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1900 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1900]. (Vernyi, 1901, 68 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1901 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1901]. (Vernyi, 1902, 63 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1902 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1902]. (Vernyi, 1903, 71 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1903 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1903]. (Vernyi, 1904, 56 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1904 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1904]. (Vernyi, 1905, 80 p.) [in Russian]
- Obzor Semirechenskoй oblasti za 1905 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1905]. (Vernyi, 1906, 112 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1906 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1906]. (Vernyi, 1907, 121 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1907 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1907]. (Vernyi, 1908, 116 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1908 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1908]. (Vernyi, 1909, 93 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1909 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1909]. (Vernyi, 1910, 87 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1910 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1910]. (Vernyi, 1911, 11 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1911 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1911]. (Vernyi, 1912, 103 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1912 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1912]. (Vernyi, 1913, 104 p.) [in Russian]

Obzor Semirechenskoj oblasti za 1913 god [Overview of the Semirechensk Oblast for 1913]. (Vernyi, 1914, 110 p.) [in Russian]

Ostroumov N.P. K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom kraje Lichnyye vospominaniya [On the history of public education in the Turkestan region Personal memories.]. (Tashkent, 1895, 268 p.) [in Russian]

Proyekt Vsepoddanneyshego otcheta Gen.-Ad'yutanta K.P. fon Kaufmana Í po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g. [Draft of the Most Submissive Report of Adjutant General K.P. von Kaufmann I on civil administration and organization in the regions of the Turkestan Governor-General. November 7, 1867 - March 25, 1881]. (SPb., 1885, 539 p.) [in Russian]

Qydyrbek B. «Qazaq degende zhuregi shyn sogatyn...» [His heart beat for the good of the Kazakh people]. URL: <https://egemen.kz/article/24774-qazaq-degende-dguregi-shyn-sogatyn> [in Kazakh]

Sultangaliyeva G.S. Kazakhskiyе chinovniki Rossiyskoj imperii XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh officials of the Russian Empire of the 19th century: features of the perception of power], 10/1, 651-679(2015) [in Russian]

Tolenova Z.M., Orazov R.Ye. Istoriya Alash v sud'bach istoricheskikh lichnostey (istoricheskiy obraz Semirechenskogo deyatelya Alash – Ybrayyma Dzhaynakova) [The history of Alash in the fate of historical figures (the historical image of the Semirechye figure Alash – Ybraiyim Dzhainakov)], 5(4), 566-585(2019) [in Russian]

Uderbayeva S.K. Kazakhskiy chinovnik Semirech'ya, vostokoved, agronom, perevodchik Sabatayev Satylgan [Kazakh official of Semirechye, orientalist, agronomist, translator Sabataev Satylgan]. (Orenburg, 2014. – 292 p.) [in Russian]

Uderbayeva S.K. Kazakhskiyе chinovniki Turkestanskogo kraya: monografiya v dokumentakh i materialakh [Kazakh officials of the Turkestan region: a monograph in documents and materials]. (Almaty, 2021, 247 p.) [in Russian]

Vasil'yev D.V., Lyubichankovskiy S.V. Narodnoye Prosveshcheniye v tsentral'noaziatskikh vladenyakh rossiyskoj imperii kak ob'yekt akkul'turatsii [Public Education in the Central Asian possessions of the Russian Empire as an object of acculturation], 1, 5-13(2019) [in Russian]

Zhugenbayeva G.S. Muhamedzhan Tynyshpaevtyn omiri men qyzmeti (1879-1938) [Life and work of Mukhamedzhan Tynyshpayev (1879-1938)]. (Almaty, 2000, 228 p.) [in Kazakh]

Сведения об авторе:

Абдрахим Мирас Еркінұлы – магистр, научный сотрудник кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения факультета истории КазНУ им. аль-Фараби. Адрес: проспект аль-Фараби, 71, г. Алматы, Казахстан.

Abdrakhim Miras – Master's degree, Researcher of the Department of World History, Historiography and Source Studies of the Faculty of History of Al-Farabi Kazakh National University. Address: al-Farabi Avenue, 71, Almaty, Kazakhstan.